

«ПОДБЕРИ СВОИ КРАСКИ»

У нее казахское имя... напевное и долгое — Алтынай. А родной язык русский. Она родилась в Алма-Ате, а балериной стала в Ленинграде. И первые большие роли, которые станцевала в Кировском, сопоставляются тоже символично. Вначале было «Лебединое» — Чайковский, русская классика, а потом была старинная восточная притча «Легенда о любви».

Итак, Алтынай Асылмуратова рассказывает о себе.

— Как вы оказались в Ленинграде?

— Начнем с того, что у меня вся семья балетная. И папа, и мама, и бабушка, и дедушка. Мама — ленинградка, русская, отец — казах. Они учились в Вагановском, а потом танцевали вместе в театре имени Абая. Вокруг меня с детства все было балетное, танцевальное. И я рано начала импровизировать под музыку. Маму это огорчало, она не хотела, чтобы я была балериной. Я училась в музыкальной школе, считалась очень способной, и родные подумывали, что музыка может стать моей профессией.

А я хотела только в балет, и никуда больше. Когда мне исполнилось десять лет, мама сказала: «Ладно, съездим в Ленинград, там самая строгая, самая лучшая балетная школа. Но если тебя туда не примут, чтоб я больше не слышала слова «балет».

Приняли! Ленинград затмил все чудеса, которые я до тех пор видела. Было сплошное счастье — от того, что ходишь по улицам, набережным,

я полюбила Летний сад. А спектакли!.. Потом испытала счастье, когда приняли в Кировский.

— А что из казахского танца вам бы хотелось принести на сцену?

— О казахском танце трудно говорить, он преимущественно мужской. А вот особое восточное изящество, нежность и негу — их, по-моему, стоит сохранить для сцены.

Пока я учусь в каждой роли искать свое, передавать свои мысли, которые волнуют. Работа над ролями начиналась так. Мой руководитель Ольга Николаевна Моисеева говорила: «Партитура — это только пунктир, контуры, которые надо раскрасить. Подбери свои краски». И мы искали.

Когда я начинала работать над «Лебединым», все почему-то представляли меня черным лебедем, а белым пет. А мне хотелось понять именно белого. Одетту. У Одиллии больше свободы, в средствах выражения, она коварна, горда, она может позволить себе резкое движение и дерзкий взгляд. У Одетты все приглушенно, утончено. Она может только высветить себя. А это так трудно изобразить. Очень интересно воплощать: темперамент и тишь, раскованность и строгость.

А по ночам мне снились кошмары, я все время падала во сне. И еще... (Алтынай улыбается). Меня ругают часто: говорят, лень у тебя восточная. Стараюсь избавиться.

— Как балерине удастся справиться со своим настроением, если нет вдохновения?

— Иногда, бывает, работаешь без всякой надежды на «просветление». Но не отменять же спектакль, если у тебя плохое настроение. А начинаешь танцевать и заводишься. Вдохновение приходит.

Я не фанатик, я понимаю, что балет многое отнимает: сколько книг не прочитано, как давно в драматическом театре не была, выставок не видела... Но какую радость ощущаешь в танце!

— А как вы работали над партией Ширин?

— Физически очень трудным оказался второй акт. Но музыка этого балета буквально вошла в меня, я очень хотела его станцевать.

— О каких ролях вы мечтаете?

— У меня мечты странно сочетаются. Я очень хотела бы станцевать Жизель и Китри. Они совсем разные, и обе так увлекают.

К. ВИТКОВА

На снимке: А. Асылмуратова — Одетта.

